

Ю. М. ПАПЯН¹

ОБРАЗ АВТОРА В ПИСЬМАХ Н. М. КАРАМЗИНА К И. И. ДМИТРИЕВУ

В статье рассматривается соотношение предметно-логических и эмоционально-экспрессивных компонентов организации текста (словесных рядов) в письмах Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, которое отражает главные стороны в выборе и организации средств выражения в рамках содержательного словесного целого: без предметно-логических компонентов нельзя построить сообщения, а эмоционально-экспрессивные, всегда имеющие оценочный характер, указывают на авторское отношение к сообщаемому. Анализ этой стороны употребления русского языка в письмах Карамзина проливает свет на стилистические различия, не дающие оснований связать произведения, написанные им до 1803 г., с произведениями, написанными после названной даты: в первых ощутил заранее данный образ сентиментального рассказчика, в других же — страстного исследователя, основывающегося на фактах, которые и ведут его к обобщениям и оценкам событий прошлого. Такого различия лишено употребление языка в рассматриваемых письмах, неразрывно связанных с творческой деятельностью Карамзина.

Ключевые слова: стилистика текста, предметно-логическая и эмоционально-экспрессивная стороны содержания и выражения, словесные ряды, языковая композиция, образ автора.

Между художественными произведениями Карамзина, написанными приблизительно до 1803 г., и его же историческими произведениями, которые «не терпят вымыслов» [12, XII], обнаруживаются стилистические различия, не дающие оснований связать эти тексты с именем одного и того же человека, — так разительно не похож образ автора «Бедной Лизы» (1792) на образ автора «Истории государства Российского». В первых представлен сентиментальный рассказчик, сочувствующий своим героям и уверяющий, что пишет он «не роман, а печальную быль» [11, I, 619], или «не роман, а быль» [11, I, 761], как сказано в «Рыцаре нашего времени» (1803); в других же — страстный исследователь, понимающий, что «история не роман», и ищущий «духа и жизни в тлеющих хартиях» [12, XIII], которые и ведут его к обобщениям и оценкам событий прошлого.

Конечно же, переход от одного стиля к другому не совершается случайно, и анализ разнообразных текстов говорит о том, что произведения любого

¹ Юрий Михайлович Папян — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького» (Москва, Российская Федерация); uraryan@mail.ru

писателя, взятые вместе, образуют единое целое, а стилистически резкий контраст, подобный тому, о котором было сказано вначале, можно объяснить эволюцией стиля писателя.

В понимании эволюции стиля Карамзина на помощь приходят его письма, стилистический анализ которых позволяет читателю стать на авторскую точку зрения словесно созданной действительности. Разумеется, объяснение эволюции стиля нуждается в доказательствах, демонстрирующих изменение, расширение и обогащение авторской точки зрения.

Но прежде обратим внимание на то, что для автора и читателя подходы к тексту различны. Разумеется, автор строит текст, выбирая и организуя те средства выражения, которые позволяют говорить о ценностях, определяемых позицией, по М. М. Бахтину, «автора-творца»: «Художественный стиль работает не словами, а моментами мира, ценностями мира и жизни, его можно определить как совокупность приёмов формирования и завершения человека и его мира, и этот стиль определяет собою и отношение к материалу, слову, природу которого, конечно, нужно знать, чтобы понять это отношение» [3, 169]. С позиций же «воспринимающего» [1, 59] понимание идёт от формы к содержанию. Поэтому (и для писателя, читающего и, по Ф. М. Достоевскому, «переправляющего до бесконечности» [10, 162] свой текст; и для читателя) «форма, правильно понятая, не оформляет уже готовое и найденное содержание, а впервые позволяет его найти и увидеть» [2, 76]. И это движение от формы к содержанию, способствующее нахождению человеческих ценностей, возможно благодаря упорядоченности текста, в котором категория словесного ряда даёт читателю ключи к соотношению средств и способов словесного выражения, служащих воплощению образов (как образа автора, так и персонажей). Читатель, чувствующий «себя как активного субъекта», входящего в «форму содержания» произведения «как необходимый конститутивный момент её» [1, 71], выступает и как «со-творящий форму» [1, 59] для самого себя. Для читателя понять текст — значит встать на ту же точку зрения произведения, которую занимает автор. Поэтому и говорю, что для читателя точка зрения, всегда зависима от выбора и организации языковых средств, проявляющих авторское понимание «оформленного содержания» текста¹.

Сохранилось немало текстов, которые существенно восполняют представление о Карамзине как человеке, оказавшем большое влияние на писателей будущего, — образ не только «чувствительного», но и мыслящего литератора, который с опорой на новые знания находит разнообразные способы раскрытия темы и отношения к ней.

Восполнению недостающих звеньев, позволяющих понять стилистические воззрения Карамзина в их хотя бы относительной динамической целост-

¹ В отношении к сказанному А. М. Камчатнов в редакционных примечаниях написал: «Не перепутал ли автор статьи (Папян. — Ю. П.) причину и следствие: точка зрения обуславливает выбор языковых средств, то есть языковые средства зависят от точки зрения, а не наоборот; вспомним мысль Бахтина: писатель пишет не словами, а ценностями, слова подбираются сами для выражения этих ценностей». Очевидно, в первом варианте данной статьи я не нашёл достаточно отчётливой формулировки, поэтому благодарен этому замечанию. Кроме того, в замечаниях было сказано: «Читатель и тем более исследователь движется от анализа структуры к выявлению содержания». Эти слова подчёркивают отправную мысль, изначально лежавшую в основе всего моего исследования.

ности, значительно способствуют тексты, жанровая принадлежность которых, по общему представлению, не даёт простора для проявления эстетических воззрений. В ряду множества текстов, на первый взгляд далёких от вопросов употребления языка в литературных произведениях, создаваемых в рамках монологической структуры, особую услугу стилистике оказывают частные письма Карамзина, внимание к которым позволяет обнаружить любопытные связи между письмами автора и его же произведениями. И дело не только в том, что в письмах сохранилась печать литературной одарённости автора, или форма письма используется в стилистике произведений (например: «Письма русского путешественника», «Мелодор к Филалету», «Филалет к Мелодору», «Моя исповедь. Письмо к издателю журнала»), или в них затрагиваются литературные темы, но и в том, что стилистика писем в некоторых относительно целостных отрезках предсказывает принципы выбора и организации средств выражения в «Истории государства Российского» и даже иногда соответствует ей. Разумеется, этот аспект употребления языка проявляется непосредственно в форме писем.

Для правильного понимания стилистики писем важно учесть, что в них, как правило, сильно проявляется диалогическое начало (неслучайно в учебных пособиях XVIII в. письмо характеризовали как «разговор с отсутствующим» [16, 107]), а некоторые отрезки писем можно рассматривать как самостоятельные тексты, обладающие своими принципами выбора и организации средств выражения. Эта относительная самостоятельность отрезков отражена в жанре письма: «Ни конструкция, ни стиль письма не развиваются в пределах какого-то одного ряда. Письмо живёт чужими стилистическими рядами, поэтому в пределах эпистолярного жанра и стиля часто имеем сосуществование различных стилей и жанров. <...> Мозаичность, “пестрота” склеенных кусков — композиционный принцип письма. Поэтому и стиль письма, так же как и материал его, часто мозаичен» [17, 69 и 76].

Письма Карамзина к Дмитриеву [15]¹, опубликованные отдельной книгой в 1866 г., содержащей 358 посланий, написанных в период с 1787 по 1826 г., позволяют наблюдать эволюцию стиля их автора. На эту сторону эпистолярного наследия Карамзина обратил внимание П. А. Вяземский: «Любопытно и поучительно, перечитывая ныне эти письма, следить за ходом успехов писателя. Язык и слог его, а слог есть характер, есть нравственная личность писателя, совершенствовались с каждым годом. Можно подмечать из писем, как подрастает Русский путешественник, творец Марфы посадницы и похвального слова Екатерине. Можно наконец угадывать, до чего вырастет историк государства Российского» [6, 7]. Замечание Вяземского о совершенствовании слога у Карамзина подсказывает мысль присмотреться к развитию стиля писателя, то есть к важнейшему аспекту употребления языка, состоящему, по Г. О. Винокуру, «из соединения отдельных членов языковой структуры в одно и качественно новое целое» [5, 224].

В данных письмах обнаруживаются такие языковые построения, стилистическое подобие которым можно найти во многих известных произведениях писателя. Между тем краткость письма и ещё большая краткость его отрезков,

¹ Цитаты из писем приводятся по этому изданию и сохраняют орфографию и пунктуацию источника.

обладающих относительной смысловой и стилистической самостоятельностью, облегчает рассмотрение и описание их языковой композиции.

Рамки статьи позволяют рассмотреть лишь один аспект употребления русского языка в письмах Карамзина к Дмитриеву, связанный с выражением отношения автора к теме сообщения. Анализ этого аспекта требует изучения предметно-логических и эмоционально-экспрессивных словесных рядов [9, 152], выступающих в качестве компонентов организации текста (в рамках которого и объединяются планы выражения и содержания). Необходимость внимания к этим словесным рядам объясняется тем, что они, являясь продуктом высокого уровня обобщения, позволяют выявить и понять авторскую точку зрения, создаваемую упорядоченными, организованными средствами выражения.

Для читателя содержание зависит от структуры текста, то есть взаиморасположения, соотносённости его компонентов (поэтому можно сказать, что текст и есть сложная структура), и, разумеется, анализ требует рассматривать их в замкнутых этой структурой рамках. В текстовом единстве можно выделить множество соотносённых средств выражения, при этом наибольшего обобщения можно достичь, выделяя две стороны содержания и выражения информации: предметно-логической и эмоционально-экспрессивной. В. В. Одинцов, писавший о них, использовал термин «структуры» [14, 52–79]. Этот же термин встречается в работах А. И. Горшкова [9, 113–116]. Но, чтобы избежать формулировки типа «структура состоит из структур», своей тавтологичностью затемняющей понимание упорядоченности текста, удобней будет назвать их словесными рядами (тем самым напоминая, что и эти стороны текста подчинены языковой композиции, трактуемой в качестве «системы динамического развёртывания словесных рядов в сложном единстве целого» [4, 49]), а понятие «структура» сохранить только за текстом. Несколько отвлекаясь от употребления языка в каждом конкретном случае, можно сказать, что предметно-логический ряд для любого текста является опорным, поскольку непосредственно служит раскрытию темы (без этого ряда не существует никакая информация, без него «нет текста» [14, 53]), а эмоционально-экспрессивный выражает прежде всего отношение (оценку) автора к сообщению, разумеется, нередко с помощью специальных языковых средств.

Обратиться к предметно-логическим и эмоционально-экспрессивным рядам заставляет то, что их анализ важен для характеристики содержания и языкового выражения писем, поскольку способствует пониманию некоторых основных стилистических тенденций развития творчества писателя.

Анализ писем позволяет говорить о двух разновидностях организации средств выражения в них. В одной разновидности отрезков писем доминируют эмоционально-экспрессивные ряды, характерные как для эпистолярного наследия Карамзина, так и для тех его произведений, которые обычно относят к литературе сентиментализма. Составляющие этих рядов образуются как бы выбранными изначально (условно говоря, до построения текста), несколько искусственными воззрениями, потому что теоретически заимствованными, пусть в дальнейшем и развитыми писателем, стремящимся к созданию «гармонической прозы» (построенной наподобие стихов), которая позволяла бы изобразить «зеркало души» [11, 601] автора не только в художественных

произведениях, но и в дружеских письмах. Это свидетельствует об отношении автора к своим частным письмам как особой разновидности литературы.

Карамзин выражал свои теоретические воззрения в разных текстах, в том числе и в письмах; с достаточной определённой они выражены и в следующих строчках, впервые опубликованных в «Аонидах» (книга вторая, 1797): «...истинный поэт находит в самых обыкновенных вещах пиитическую сторону: его дело наводить на все живые краски, ко всему привязывать остроумную мысль, нежное чувство или обыкновенную мысль, обыкновенное чувство украшать выражением, показывать оттенки, которые укрываются от глаз других людей, находить неприметные аналогии, сходства, играть идеями и, подобно Юпитеру (как сказал об нем мудрец Эзоп), иногда *малое делать великим*, иногда *великое делать малым*» [11, II, 144]. Эти воззрения легли в основу «нового слога», с которым напрямую связан русский сентиментализм, и он был именно слогом, стилем, но не «новым языком».

В «новом слоге» проявлялся литературный вкус автора, не укладывающийся в рамки теории классицизма. Особая новизна этого слога была в культивируемом сентиментализмом чувствительности, нередко проявляемой в «меланхолии» [7, 6], грустном настроении, погружённости в личные переживания. Стремление передать внутренний мир человека под таким углом зрения было связано с выбором и организацией специальных языковых средств. Вместе с тем «новый слог» избегал «неизящной» тематики, то есть не соответствующей сентиментальному культу чувствительности. Не случайно, анализируя произведения Дмитриева, Карамзин в письме (1794 г.) ему отмечал: «Ода и глась *Патріота* хороши *Поэзією*, а не *предметомъ*. Оставь, мой другъ, писать такія піесы нашимъ стихокрапателямъ. Не унижай Музъ и Аполлона. — Подражаніе Горацію, *состраданіе* и къ *свирѣлке* достойнѣ твоей лиры по своему содержанію» [15, 50].

Действительно, выработка «нового слога» была направлена в тематически заранее ограниченную сферу, иными словами, «новый слог» не был универсальным, например, не был приспособленным для освещения «метафизических» вопросов, связанных с философией, филологией, критикой, историей, публицистикой и пр. — с выражением отвлечённых и обобщающих идей.

Для понимания стилистической системы «нового слога» значима и следующая оценка произведений Дмитриева, высказанная в 1796 г.: «Благородство въ мысляхъ, связь и свободное их теченіе в чистом слогѣ: вотъ ея достоинство» [15, 70].

Карамзин стремился к созданию «гармонической прозы», с которой была связана и борьба за «чистоту слога» (и в стихах, и в прозе) против так называемой «шероховатости», обычно проявляемой в употреблении разностильных языковых единиц в рамках относительного целого. Отсюда некоторая однотонность стилистики «нового слога». Правда, этот заслон «шероховатости», связанной с естественным взаимодействием книжной и разговорной стихий, останется преимущественно в теории; и сам Карамзин нередко пользовался выразительными возможностями, скрытыми в сочетаниях разностильных элементов, особенно часто в «Истории...».

Теоретические воззрения Карамзина получили воплощение и в его письмах. Представление о подобном стиле писем можно получить по следующему фрагменту (1799):

Мы оба рѣдко пишемъ, но любимъ, надѣюсь, другъ друга по прежнему. Сохрани тебя Богъ отъ чахотки! Скорѣе можешь имѣть ипохондрию, къ которой есть въ тебѣ немалая склонность. Желая, мой милой, чтобы скорѣе прошло то время, въ которое по словамъ твоимъ, могъ бы ты жить совершенно для Музы и дружбы. Мнѣ весело воображать это! Тогда, чтобъ не упасть лицомъ въ грязь передъ тобою, и я началъ бы прилѣжнѣе молиться Аполлону стихами и прозой. Лѣтомъ мы жили бы в маленькомъ, чистенькомъ домикѣ на высокомъ берегу Москвы-рѣчки, въ семи верстахъ отъ города, гдѣ я третьяго году писалъ *Дарованія* и стихи *къ вѣрной*, давно невѣрной. Мѣсто самое романтическое! Тамъ бы два друга, довольно опытные, довольно спокойные, но не совсемъ холодные, вспомнивъ иное, засмѣялись — вспомнивъ другое, вздохнули — и эхо роши засмѣялось бы съ ними, и эхо роши вздохнуло бы съ ними. *Изъ чувствъ* рождались бы слова, из словъ стихи, из стиховъ можетъ быть наша слава, по крайней мѣрѣ наше удовольствіе. Гораций прославилъ *Тиволи*, а мы Самарову гору превратили бы въ Русской Геликонъ [15, 110–111].

Отрывок приведен из письма, написанного во время, довольно близкое к 1803 году, когда Карамзин непосредственно займѣтся «Историей...». И всё-таки стиль отрывка, как и во многих других частях писем, обращенных непосредственно к Дмитриеву с выражением глубокой привязанности, сохраняет в употреблении языка стилистическую устойчивость, вызванную дружеским чувством, общими с адресатом интересами в литературе и стремлением «наводить на всё живые краски». Обратим внимание на функцию языковых средств, не совсем совпадающую «с функцией языка как средства обычного общения» [5, 390], но характерную для «нового слога». В приведенной цитате к средствам, типичным для «нового слога», относятся не только слова и выражения с общим значением «нежного чувства» (*любимъ по прежнему, жить для Музы и дружбы, прилѣжнѣе молиться Аполлону стихами и прозой, в маленькомъ, чистенькомъ домикѣ, весело воображать это, мѣсто романтическое, чувства, ипохондрия* [в контексте это слово обозначает «угрюмый и задумчивый вид», соответствующий образу «чувствительного» и «меланхолического» героя] и др.), но и риторический синтаксис (повторы, антитезы, параллелизм, конструкции с восклицаниями, порядок слов, градация — все эти приемы сочетания слов можно обнаружить в приведенной цитате), в который включен названный выше лексико-фразеологический материал. Говорить о том, что предметно-логический ряд и в данном отрезке, и в других, стилистически близких приведенному, подчинен эмоционально-экспрессивному ряду, позволяет насыщенность текста выразительными средствами, характерными для «нового слога», его относительная однотонность — единообразие в выражении чувств и мыслей.

Во многих произведениях, которые можно отнести к «новому слогу», обнаруживается подобная организация подобного языкового материала. Например, в «Письмах русского путешественника»:

Я видел везде благоденствие, счастье и мир. Птички, которые порхали и плавали по чистому воздуху над головою моею, изображали для меня веселье и беспечность. Они чувствуют бытие свое и наслаждаются им! Каждый поселянин, идущий по лугу, казался мне благополучным смертным, имеющим с избытком все то, что потребно человеку. «Он здоров трудами, — думал я, — весел и счастлив в час отдохновения, будучи окружен мирным семейством, сидя подле верной своей жены и смотря на играющих детей. Все его желанія,

все его надежды ограничиваются обширностью его полей; цветут поля, цветет душа его». — Молодая крестьянка с посошком была для меня аркадскою пастушкою. «Она спешит к своему пастуху, — думал я, — который ожидает ее под тенью каштанового дерева, там, на правой стороне, близ виноградных садов. Он чувствует электрическое потрясение в сердце, встает и видит любезную, которая издали грозит ему посошком своим» [11, I, 151–152].

В отрывке из письма и в отрывке из художественного произведения использованы слова, которые соответствуют, по Карамзину, «Музам и Аполлону» и которым, сначала в произведениях сентименталистов, а затем — романтиков, придана была экспрессия «“сладостности”, нежности, пластичности и музыкальности» [5, 337].

Искусность (вместе с тем некоторая искусственность) в выражении мысли и чувства отражена и в следующем отрывке из письма 1792 г.:

Я ни мало не сердился на тебя за то, что ты писал ко мнѣ объ Александрѣ Андреевичѣ. Напротивъ того еще благодарю тебя, потому что мнѣ очень хотѣлось знать, какъ думаютъ объ немъ Г. Р. и К. Я. По *человеколюбію*, которое мнѣ приписываешь, желалъ бы простить тебя, но не могу, потому что ты ни въ чемъ не согрѣшилъ передо мною. Сколь ни люблю Александра Андреевича, однакожь соглашусь, что онъ можетъ показаться страннымъ тому, кто не хорошо знаетъ его, особливо женщинѣ, даже самой любезной, и самой почтенной, например К...ѣ Я...ѣ. И впередъ, мой милой другъ, прошу тебя писать ко мнѣ о ихъ расположении къ моему любезному нелюдиму [15, 27].

Отрывок интересен достижением поставленной цели, выражающей «чувствительный» образ автора письма, чисто синтаксическим средствами; «украшенность» отрезка особенно будет заметна, если построить экспериментальный текст, состоящий только из рядов предметно-логических, то есть несущих основную информацию:

Я не сердился на тебя за то, что ты писал ко мне об Александре Андреевиче. Мне хотелось знать, что думают об нем Г. Р. и К. Я. Соглашусь, что он может показаться странным тому, кто нехорошо знает его. И вперед прошу писать ко мне об их расположении к Александру Андреевичу.

Синтаксические ряды, оставшиеся за рамками полученного варианта, своеобразны: они придают фрагменту письма чувствительный и приятный характер остроумной беседы. Основная нагрузка в них лежит на противопоставленности связей, «оживляющих» сообщение: *Я ни мало не сердился... Напротив того...; желал бы простить тебя, но не могу...; сколь ни люблю..., однакожь соглашусь*. Как видим, «обыкновенная мысль, обыкновенное чувство» как бы возмещаются приёмами, «игрой живых интонаций».

В другой же разновидности организации писем эмоционально-экспрессивные ряды подчинены рядам предметно-логическим, определяющим своим содержанием характер выраженных оценок. Дело в том, что в частных письмах выбор и организация средств выражения зависят, разумеется, не только от того, к кому адресовано письмо, или от теоретических воззрений автора, но и других условий употребления языка, например от затрагиваемой темы, которая обязательно сказывается на содержании; и эту зависимость нельзя подчинить себе изначально так же, как нельзя предвидеть содержания реплики человека, вступившего с вами в случайный и естественный диалог.

Зависимость построения текста от таких условий употребления языка обнаруживается уже в ранних письмах к Дмитриеву.

Так, составляющие эмоционально-экспрессивного ряда, которые есть в приведённых ниже примерах, почерпнуты из ресурсов церковнославянского, общего разговорного языка, военной лексики и фразеологии и античного источника, освоенного литературой классицизма. Причины их использования определяются ответами, как бы развёрнутыми репликами на полученные из разных текстов известия: один — отклик на прочитанное в журнале, другой — на письмо адресата.

Ты вѣрно читаль въ Академическомъ Журналѣ оды Николаева, будто бы сыномъ его сочиненная, и оду Хвостова, подъ именемъ *стихотвореніе*. *То-то поэзия! то-то вкусъ! Боже! умилисердися надъ нами!* [15, 119]

Или:

Ступайте, храбрые войны! Деритесь какъ Индѣйскіе пѣтухи! Ступай и ты, любезный другъ, естли надобно. Только пожалуй не ударся головой о Прусское ядро, ни объ англійское, ни о шведское. Будь живъ и здоровъ, и на первой почтѣ пиши ко мнѣ. Не забудь въ надписи прибавить *къ дому Плещеева: на Тверской*. Постилліоны наши не изъ Лаконіи [15, 18].

Ориентир на предметно-логические ряды, которые сами по себе могут вызывать определённое отношение к сообщению, и разговорные средства выражения в оценках (например: *опять лѣнюсь дома; не поскупился заплатить; если выдамъ 10-й томъ, употреблю вдругъ тысячи двѣ на книги; стыдно не оставить библіотеки въ наслѣдство; главнымъ дѣломъ было марать бумагу*), образующие ряд эмоционально-экспрессивный, видны в следующем примере из письма 1822 г., значительно позже предыдущих написанного.

Я уже опять лѣнюсь дома и читаю Нѣмецкихъ Метафизиковъ, за которыхъ не поскупился заплатить Грефу двадцати рублей. Снова завожу библіотеку для себя и для дѣтей; а если выдамъ 10-й томъ, то употреблю вдругъ тысячи двѣ на книги. Стыдно не оставить библіотеки въ наслѣдство сыновьямъ, когда главнымъ дѣломъ жизни моей было марать бумагу для типографій [15, 324].

Остановлюсь и на том отрезке, в котором чувства выражаются также разнообразными средствами, в том числе и теми, что были отмечены как теоретически заданные, но роль их определяется не изначально, а подчинена предмету сообщения.

Работа сдѣлалась для меня сладка: знаешь ли, что я съ слезами чувствую признательность къ Небу за свое Историческое дѣло? Знаю, что и какъ пишу; въ своемъ тихомъ восторгѣ не думаю ни о современникахъ, ни о потомствѣ: я независимъ, и наслаждаюсь только своимъ трудомъ, любовію къ отечеству и челоуѣчеству. Пусть никто не будетъ читать моей Исторіи: она есть, и довольно для меня. Однимъ словомъ, я совершенный Графъ Хвостовъ по жару къ Музамъ или Музѣ! За неимѣніемъ читателей могу читать себя и бормотать сердцу, гдѣ и что хорошо. Мнѣ остается просить Бога единственно о здоровьѣ милыхъ и насущномъ хлѣбѣ до той минуты

«Какъ лебедь на водахъ Меандра,

«Пропѣвъ, умолкнетъ навсегда».

Чтобы чувствовать всю сладость жизни, надобно любить и смерть, какъ сладкое успокоеніе въ объятіяхъ Отца [15, 409].

Нетрудно увидеть, что оценочные средства выражения, входящие в эмоционально-экспрессивный ряд, почерпнуты из общего употребления языка — и книжного и разговорного: *работа сдѣлалась сладка; чувствую признательность къ Небу; Историческое дѣло; въ своемъ тихомъ восторгѣ; наслаждаюсь только своимъ трудомъ; она есть, и довольно для меня; я совершенный Графъ Хвостовъ по жару къ Музамъ или Музѣ; могу читать себя и бормотать сердцу, гдѣ и что хорошо* и др., включая строки из стихотворения М. М. Хераскова.

Как видим, принципы употребления средств выражения у Карамзина менялись, как менялись и средства эмоционально-экспрессивной выразительности.

Карамзин в письмах довольно часто сопрягает в словесное целое языковые единицы с отдалённым друг от друга стилистическим значением, очевидно, понимая, что их стилистическая контрастность способствует созданию «выразительных эффектов, реализующих экспрессивные цели высказывания» [8, 63].

И в письмах, и в «Истории...» Карамзин, держась «порядка, ясности, силы, живописи», зная «цену событиям», выражал и отношение к этим событиям с помощью различных эмоционально-экспрессивных средств выражения, таких, как, например, в достаточно известном письме 1825 г. о декабрьском восстании:

Мы здоровы послѣ здешней тревоги 14 Дек. Я былъ во Дворцѣ съ дочерьми, выходяль на Исакиевскую площадь, видѣль ужасныя лица, слышалъ ужасныя слова, и камней пять-шесть упало къ моимъ ногамъ. Новый Императоръ оказалъ неустрашимость и твердость. Первые два выстрѣла разсѣяли безумцевъ съ Полярною Звѣздою, Бестужевымъ, Рылѣвымъ и достойными ихъ клеветами. Милая жена моя нездоровая прискакала къ намъ во дворецъ около семи часовъ вечера. Я, мирный Исторіографъ, алкаль пушечнаго грома, будучи увѣренъ, что не было инаго способа прекратить мятежа. Ни крестъ, ни Митрополить, не дѣйствовали. Какъ скоро грянула первая пушка, Императрица Александра Феодоровна упала на колѣни и подняла руки къ небу. Она нѣсколько разъ отъ души говорила: «для чего я женщина въ эту минуту!» Добродѣтельная Имп. Марія повторяла: «что скажетъ Европа!» Я случился подлѣ нихъ: чувствовалъ живо, сильно, но самъ дивился спокойствію моей души странной; опасность подъ носомъ уже для меня не опасность, а рокъ, не смущаеть сердца: смотришь ей прямо въ глаза съ какою-то тишиною [15, 411].

В письмах Карамзин считает необходимым проявить своё отношение к каждой затронутой теме и, как правило, предпочитает эмоционально подчеркнуть свою точку видения описываемого и в «Истории...», но уже с позиций «всеведущего» историографа, страждущего за прошлое своего отечества. В результате эти оценки получают обобщающий смысл, подсказанный предметно-логическими рядами. Например, так высказано отношение к действиям Ивана Грозного, узнавшего, что Стефан Баторий идёт на Россию.

<...> Царь въ одномъ своемъ особенномъ полку имѣль сорокъ тысячъ <...>. Одно слово Иоанново могло бы устремить сію громаду на Литву, гдѣ народъ и Дворянство не весьма благопріятствовали воинственнымъ замысламъ Стефановымъ, внутренно желая мира съ Россією, и гдѣ вопль ужаса раздался бы отъ Двины до Буга. Но тѣни Шуйскаго, Серебрянаго, Воротынскаго меч-

тались воображенію Іоаннову, среди могилъ Новгородскихъ, исполненныхъ жертвами его гнѣва: онъ не верилъ усердію Воеводъ своихъ, ни самаго народа; довѣренность свойственна только совѣсти чистой. Изгубивъ Героевъ, Царь въ сіе время щадилъ Воеводъ недостойныхъ: Князья Иванъ Голицынъ, Палицкій, Оедоръ Шереметевъ, запечатлѣнные стыдомъ Венденскаго бѣгства, снова начальствовали въ рати! Видя опасную войну предъ собою, онъ не смѣлъ казнить ихъ, чтобы другіе, имъ подобные, не измѣнили ему и не ушли къ Баторію! [13, 172–173]¹

С точки зрения выражения оценочного отношения интересен и следующий отрывок из «Истории...», особенно тем, что в нём использован языковой материал, характерный для литературы сентиментализма (*прослезился отъ умиленія, тронула сердца грубыя*), но функция этого материала тоже подчинена предметно-логическому ряду.

Ермакъ съ товарищами прослезился отъ умиленія, какъ пишутъ: мысль свергнуть съ себя опалу дѣлами честными, заслугою государственною и промѣнять имя смѣлыхъ грабителей на имя доблжихъ воиновъ отечества, тронула сердца грубыя, но еще не лишеныя угрызений совѣсти. Они подняли знамя на берегу Волги: кликнули дружину, собрали 540 отважныхъ бойцовъ и (21 Іюня) прибыли къ Строгановымъ — «съ радостію и на радость, — говорить Лѣтописецъ: «чего хотѣли одни, что обѣщали другіе, то исполнилось: Атаманы стали грудью за область Христіанскую. Невѣрные трепетали; гдѣ показывались, там гибли» [13, 224–225].

Сопоставительно-стилистический анализ текстов Карамзина показывает, что своеобразное выражение чувств, характерное для сентиментализма, перестало определять в творчестве писателя состав и организацию эмоционально-экспрессивных рядов, а подчинилось предметно-логическим. Это нашло отражение уже в его ранних письмах. Можно заключить, что к концу своей литературной деятельности Карамзин более сдержанно относился к прежде освоенным средствам и приѣмам выражения оценок, но не отказывался от них полностью. Для образа автора, созданного писателем в своих текстах, было важно с помощью эмоционально окрашенных языковых средств выразить точку видения сообщения; идя по пути расширения и обогащения арсенала эмоциональной выразительности, Карамзин стал чаще использовать общеупотребительные языковые средства, основными источниками которых были разговорный язык и предшествующая литература, включавшая в себя летописную и церковнославянскую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 810 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 471 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
4. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 240 с.
5. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин. просвещ. РСФСР, 1959. 492 с.

¹ Цитаты приводятся с сохранением графики и орфографии источника.

6. *Вяземский П. А.* Памяти Карамзина. Тому сто лет и о письмах Карамзина. Читаны в торжественном собрании Императорской Академии наук 1 декабря 1866 г. СПб.: Имп. АН, 1866. С. 13.
7. *Вяземский П. А.* Стихотворения Карамзина. Отдельный оттиск из I-го выпуска «Беседы», издававшемся Обществом любителей Российского слова. М., 1866. 8 с.
8. *Гельгардт Р. Р.* О стилистических категориях // Вопросы языкознания. № 6. М.: Издательство АН СССР, 1968. С. 58–65.
9. *Горшков А. И.* Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности. М.: Литературный институт им. А. М. Горького, 2008. 544 с.
10. *Ф. М. Достоевский* // Русские писатели о литературном труде. Л.: Советский писатель, 1955. С. 118–192.
11. *Карамзин Н. М.* Избранные сочинения: в 2 т. М.–Л.: Художественная литература, 1964. Т. 1. — 810 с.; т. 2. — 591 с.
12. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Предисловие. Книга первая. М.: Книга, 1988. Усл. печ. л. 61,60+0,18.
13. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Книга третья. М.: Книга, 1989. Усл. печ. л. 64,40.
14. *Одинцов В. В.* Стилистика текста. М.: КомКнига, 2006. 263 с.
15. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1866. 483 с. и прим. 214 с. (всего 697 с.).
16. *Подшивалов В. С.* Сокращённый курс русского слога, изданный Александром Скворцовым. М.: Универ. тип., у Ридигера и Клаудия, 1796. 140 с.
17. *Степанов Н. Л.* Поэты и прозаики. М.: Художественная литература, 1966. 360 с.